

Видеть еще рано

Арина Пишет

Арина Пишет

Видеть еще рано

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70228354

SelfPub; 2024

Аннотация

История одного звука, навсегда изменившего мировоззрение главной героини.

Арина Пишет

Видеть еще рано

Город этот абсолютно безликий. Кто-то умный, вероятно, знал, как его можно обозвать, кто-то бы смог указать кривым пальцем его на карте, но местных жителей подобные условности совершенно не интересовали. Вот, мол, был дом, а там, мол, какая-то квартира. достоверно известно, что там под грязными обоями, насквозь пропитанными никотином и прочими житейскими гадостями, просачивалась кровь крашенных давным-давно стен. эксцентричные вкусы прежних владельцев квартиры, к несчастью, никто не оценил – от прежнего китча остались лишь уродливые раны и мерзко-яркие картины с пылью толще самой рамы. Порой возникало жуткое желание завесить их, как назойливо-пестрого попугая, какой-нибудь скромной тканью, да поплотнее. Выкинуть, заклеить, залатать никто не решался; решительно здесь только закатывали глаза и размахивали руками, параллельно гася окурки обо все, что попадет под лихие движения: стол, стул, комод; в конце концов, люди как особый предмет мебели. Люди... может быть, не столько мебель, сколько эти мерзкие обои, чёрт бы их побрал... Такие цветные внутри и такие грязно-жёлтые снаружи; до того мерзко всё это выглядит, что никто не хочет к ним, к людям этим, прикоснуться, содрать кожу наравне с бумагой и увидеть нечто большее,

чем просто дешёвые «обои» в цветочек или горошек. никто их не помнит, быть может, никто на них никогда не смотрел. в полоску они что ли? впрочем, мне, как и вам, абсолютно нет до этого дела.

Это был то ли октябрь, то ли январь. Кто-то лежал на паркетe, вжимаясь в него всем телом, дабы древесина не издала стон или протяжный крик – такое случилось в дни особого невезения – тишину прервал неведомый ушам звук. Что-то вроде упавшей крышки от сковородки, нечаянного столкновения ложки и вилки во время обеда, глухого и протяжного удара о стеклопакет.

Из тени подоконника вышла она. Вышла, проскользнув на локтях и согнутых в ногах коленях на этот свет звука, вернее сказать, звук света. Встать было особенно трудно: грубые, острые обломки паркета имели честь не впиваться в ладони только если лежать ничком; неосторожно коснешься мягкой стороной руки этой дряни – считай, все пропало. Щеки было не жалко, на их месте, фактически, остались лишь кости, которые своей ломаной выпуклостью чудесным образом могли дать отпор наглому полу. Всё же встав, подняв кипящую свинцом голову, она повернулась в сторону окна. плотно посаженные деревья перекрывали весь звуковой и визуальный свет: нет ни луны, ни странной мелодии. сплошные сплюснутые ветки, которые, резко открыв окно нараспаш-

ку, можно было запросто переломить и отправить в последний путь, к остальной груде несчастных палок под домом. В беспросветной тьме блеснули ключи, всем своим видом ма- ня на выход; узнать источник звука стало делом принципа, чем-то вроде жизненного долга. Благо, в коридоре на послед- ние средства купили свет, всего на пару месяцев, пока рано темнеет. Дед слишком любил врезаться узкие дверные про- ёмы, так что в крошечной осенней темноте он бы абсолютно, совершенно не видел. Так вот, пока лампа выжимала из себя последние силы, проход по коридору представлялся ей наи- меньшим препятствием. Далее – пара лестничных пролётов и долгожданный выход в свет.

Ни души. Раз шаг, два шаг; она слышит, будто в шарканье по асфальту каждый раз доносится нечто неуловимое, отры- вок той самой мелодии. Будто потертая пластинка, она отка- зывалась проигрываться целиком, дать ощущение завершё- нности... ощущение... Три – ключи от квартиры, весело зве- ня, упали на вполне грустную землю. И вот вопрос: не их ли звук это был всё то время? Предположим, кто-то в другой комнате, в другой квартире просто выронил их. Бывает так, как было и у неё – дрогнет рука; пальцы, быть может, ослаб- нут... И всё... Уже какая-никакая мелодия. Стало быть, она слышала связку, но просто не видела её – не видела ключи в своём кулаке? Не видела, как с каждым шагом они слег- ка звенели, чуть только она тяжело ступала на асфальт? Вся-

кое бывает. Она поднимает их, поднимает голову; боковым зрением заметно, как в нескольких метрах направо сидит на лавке второй кто-то.

Тоже в тени – прямо под теми густыми деревьями, прямо посреди их кривых веток. Неразличимый силуэт скрипучим женским сопрано проговорил:

- Смешная ты. Ключи громко будут смеяться над тобой на асфальте, если их слабо держать. А теперь иди, деточка, не перебивай мою мелодию.

- Вашу мелодию? Так это что же, песня какая-то, инструмент?

- Инструмент, да ещё какой... Это не я создаю звук, это его создают для меня. Колокол... Блестящий такой, славный... Он играет, а я и радуюсь... Глупо все это, наверное, но никуда уж не деться. Хочется мне храм слышать, даже в эту погоду противную выйти, чтобы никто не мешал, да послушать его.

Бывает, случается с человеком такое смятение, на грани ужаса и безграничного счастья – то ли ненатуральность происходящего, то ли общее помутнение рассудка заставляет

нервно усмехнуться:

- Храм, да? Сродни не было здесь никакого храма, это все чудовищные глупости; слышится нам гром посуды, металла, гром жизни. Я знаю его, гром этот. Вполне себе обыденный.

- Хорошая моя, ты, главное, не расстраивайся. видеть еще рано.

- ...

Обои безликой квартиры отныне подозрительно напоминали распятого на кресте Иисуса.